

Однако в этом случае заставляют задуматься слова другого мыслителя, как раз и возвестившего ранее о превращении марксизма в нарративность. Рассуждая о силе и потенциале марксистской теории в современных условиях, Лиотар отмечает: «...невозможно скрыть, что социальная основа принципа разделения, классовой борьбы исчерпала себя и даже утратила всякую радикальность»⁸. За этой фразой несложно разглядеть вполне свойственную постмодернистам жёсткость и даже некоторый цинизм, но, тем не менее, вырастающий из неё вопрос для левых остаётся открытым: способно ли радикальное действие стать продолжением того, чего уже не существует?

1. Кагарлицкий Б.Ю. Политология революции. М., 2007. С. 155.
2. Clark J. Fredric Jameson's Postmodern Marxism// <http://www.colorado.edu/Sociology/Mayer>
3. Jameson F. Postmodernism, Or the Cultural Logic of Late Capitalism// Publisher: Duke University Press. Place of Publication: Durham, NC. Publication Year: 1991. P. 48.
4. Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. М., 2005. С. 19.
5. Зерзан Д. Первобытный человек будущего. М., 2007. С. 157.
6. N. Klein. Reclaiming the Commons// New Left Review. (II). 9. 2001. P. 87.
7. Зерзан Д. Первобытный человек будущего. М., 2007. С. 157.
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.

К. С. Романова

НОВЫЙ ЛЕВЫЙ ДИСКУРС: ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ЦВЕТА

Романова
Кира Степановна

кандидат философских наук,
доцент, старший научный
сотрудник Института
философии и права УрО РАН

Освоение мира отдельным индивидом связано с представлениями об эксклюзивности этого процесса и гипертрофическим ощущением первичности и новизны переживаний. На самом деле, как говорит народная мудрость: «Новое – это хорошо забытое старое». Новый левый дискурс в этом смысле не исключение. Он имеет глубокие исторические психологические и социальные корни, изучив которые можно более полно понять суть настоящего.

Психофизиологической или психофизической проблеме, состоящей в интерпретации механизмов, обеспечивающих взаимодействие и гармонию между индивидом и средой его обитания, (включая как природу, так и социум), уделяется большое внимание во многих философских учениях. В наше время психофизическая проблема является одной из стержневых в антропологии. Биологическая составляющая, присущая индивиду через его личностные качества, отражающие черты социума, в «снятом» виде (в гегелевской терминологии) становится активным фактором в надбиологических системах (социальных, технических и др.)

Как в свое время отмечал Н.А Бердяев: «Отношения между человеком и обществом представляются парадоксальными. Извне, из объекта человеческая личность есть лишь малая часть общества, изнутри, из субъекта общество есть часть человеческой личности, ее социальная сторона»¹.

Понятие – правое, левое это знаки симметрии. Принцип симметрии – эвристический и методологический принцип научного познания, потому что любые симметрии являются эмпирическими обобщениями. Двусторонняя зеркальная симметрия, имеющая место в природе, известна как наиболее типичная структурная особенность живых организмов (зеркальная симметрия листьев, человеческого тела, человеческого мозга.

Поскольку человек выступает как мера вещей (Протагор), то он естественно и сам обладает свойством ассиметрии.

Внешний мир является ассиметричным относительно внутреннего ибо то, что находится во внешнем мире слева (в левом полуполе зрения), в интеллекте располагается справа (в правом полушарии головного мозга). Возникшие во французском парламенте политические понятия «левые» и «правые» весь XX век, да и в настоящее время терзали Россию (и не только ее) своей неоднозначностью. Являясь как бы противоположными политическими явлениями, они в своей деятельности смыкаются, зачастую переходя друг в друга. Это объясняется на ряду с другими причинами также человеческим фактором, и в первую очередь, структурой самой психики.

В социальной философии на данный момент не существует генерального дискурса (идеологической системы), способного дать достаточную интерпретацию современных политических процессов и коммуникативных практик. Социально-психологические особенности человека в том, что он воспринимает жизнь во всех ее проявлениях (природных, социальных, политических и др) во всей полноте своих чувств, в том числе запахов, красок и т. д.

Разноцветье мира и жизни сопутствуют человеку с рождения. Психология человека такова, что принятие значения цвета не всегда им осознается, потому что тяга (объективизация) к тому или иному цвету осуществляется на подсознательном уровне и определяется состоянием субъективных душевных чувств и ощущений. (Люшер) Учеными разных научных дисциплин установлено, что цвет обладает и биологическими и информационными свойствами энергии, и энергии не только физического поля, но и психологического поля. Если бы цвет был только объективной стороной нашего восприятия (к примеру, длинной волны «по Ньютону»), то все бы люди одинаково предпочитали определенные цвета независимо от возраста, пола, настроения.

Цвет – это некий язык, который мы не знаем из-за его неосознаваемого характера и отсутствия адекватного обучения. Тем не менее, культура социума, в которой обитает человек, имеет историю смыслового значения цвета. Однако многие исследователи цветовой семантики к сожалению констатируют, что сегодня мы ее не знаем. Наши познания в основном исчерпываются весьма скудными знаниями

о том, например, что белый цвет - невесты, черный цвет – траура, красный – революции. В то время как наши предки воспринимали цвета и оттенки гораздо тоньше. В наше время восприятие цвета грубеет, утрачивает свою философичность и многозначительность. Как утверждает Н.В. Серов – цвет практически всегда, везде и во всем является выражением качества. Без понимания значения цвета и отношения у нему человека невозможно ни представить не выразить не измерить качества нашего интеллекта, нашей души. Этот автор также выдвигает идею о том, что цвет изначально заложен в человеке с генами матери и отца, с архетипами как говорил Карл Густав Юнг. Не пора ли восстановить наше знание о смысле архетипов или коллективного бессознательного (по Юнгу)? В данном случае под архетипом понимается формирующийся в филогенезе культурно-генетический ноумен восприятия, определенные информационные характеристики которого могут быть выявлены по его цветам.²

С прошлых веков ученые знали, что эмоции вызывают изменение физиологических состояний – пульса, дыхания, скорости реакции, силы, страха. И эти же изменения вызывают у нас действия различных цветов. Все это говорит о прямом влиянии цвета на психику и физиологию человека. Например, наш интеллект в красном цвете переоценивает реальное время, а в синем – недооценивает. А когда мы далее узнаем, что «красный» - это цвет мужской эмоции, а «голубой» - цвет женской эмоции, то становится понятным, почему на свидание «мужчина» всегда приходит вовремя, а «женщина» всегда опаздывает по природе своей, по природе цвета.

Политическая символика цвета возникла в незапамятные времена. Имела определяющий сословный смысл и подчеркивала властное положение Государственная символика – официальное толкование цвета государственного флага, главных государственных эмблем, а также цветов, которые исторически фиксировались тем или иным народом или страной как национальные, хотя в истории национальные и государственные цвета не всегда совпадают. Как очевидно из публикаций В.В.Похлебкина, современная политическая символика цвета начала формироваться в основном со времен французской революции. Ее коренное отличие от использования цвета в геральдике состоит в том, что она не связана геральдическими традициями и может применять цвета, не употребляемые в классической геральдике (например, розовый, оранжевый, коричневый)³. Цветовые характеристики социальных явлений, включая политические, не только дают возможность логически воспринимать происходящие процессы, но и эмоционально переживать их, усиливая их логическое постижение.

Красный цвет символизирует во всем мире революционную борьбу против эксплуататоров. Впервые, как упоминают античные авторы, его использовали во Фригии восставшие рабы, которые в качестве отличий носили красные фригийские колпаки. Красный цвет использовался во время многих антифеодальных восстаний. Последним стихийным использованием красного цвета в доимпериалистическую эпоху явились красные знамена во время восстания тайпинов в Южном Китае в середине XIX века.

По данным В.В.Похлебкина, в Европе красный цвет получил значение символа восставших против монархической тирании и, начиная с 1789 года, когда он был отнят как регальный цвет у короля (символ власти) и стал цветом санкюлотов и якобинцев,

носивших красные «фригийские» шапочки и шарфы. Далее в истории красный цвет становится цветом революционных масс, участвующих в буржуазно-демократических революциях своими отдельными отрядами или объединениями. С 1871 года, после Парижской коммуны, красный цвет становится символом пролетарского международного движения.⁴ Именно как символ пролетарского революционного движения с 1876 года красный цвет принимают русские революционеры, а с 1898 года красное знамя становится партийным знаменем РСДРП.

Интересно, что история собственно рабочего движения связана так же с черным цветом как его символом. Как отмечает В.В. Похлебкин, в Западной Европе со времен Лионского восстания ткачей в 1833 году черный цвет символизировал рабочее движение во Франции, Италии, Испании, и в этом качестве как символ бунтарства был принят анархистами всех стран. (Так 21 ноября 1991 года Конфедерация анархо—синдикалистов в Москве провела день 160-летия «Черного знамени»)

Черные сотни в России сформировались в конце XV века в низовой среде московских ремесленников и мелких торговцев, которые твердо держались святоотеческой веры и национальной традиции и враждебно приняли реформы Петра, после которых Россия раздвоилась на дворянскую империю и религиозное мужицкое царство, на гладко выбритый, в обтяжных панталонах, высший свет и бородатое, в тулупах простонародье. В то же время, черный цвет в странах Центральной, Северной и Восточной Европы отождествлялся в основном в XIX веке с клерикализмом, а отсюда позднее, с конца XIX века вообще с реакцией. В России политический смысл этот цвет приобрел, отождествляясь с черносотенством, ультра национализмом начиная с 1902-1903 годов, а особенно после революции 1905-1907 годов. Все партии правее кадетов считались накануне 1917 года черными.

В 1917 году красный цвет становится символом коммунизма. Именно в это время в сравнении с красным цветом приобретают политическое значение и его оттенки: розовый, – цвет оппортунизма в мировом рабочем движении, малиновый – цвет анархо-синдикалистских группировок и партий в рабочем движении (вместо черного или наряду с ним). Оранжевый цвет также исторически связан с политической борьбой. Впервые как политический символ применялся в Нидерландах начиная с XVI века так называемыми оранжистами, партией консервативных бюргеров, интеллигенции, мелкого дворянства. Оранжисты сохраняют свою партию до нашего времени и имеют в качестве партийных знаков оранжевые шапочки, шарфы или воздушные шары, с которыми выходят на политические демонстрации. Новое прочтение смысла оранжевого мы наблюдаем в настоящее время в период «оранжевой» революции на Украине. Коричневый цвет в истории политики появляется как производный от черного, хотя в хроматическом (физическом) плане он ближе к красному. Как отмечает Н.В.Серов: «Германский нацизм приблизительно семьдесят лет назад добавил к черному архетипу итальянского фашизма оранжевый архетип утопического социализма, что в итоге дало коричневый цвет. Коричневый – архетип нацизма»⁵. В отличие от итальянских «чернорубашечников» (1919), для которых черный цвет символизировал бунтарство, германский фашизм отождествлялся с «коричневыми» по цвету униформы штурмовых отрядов Гитлера.(1921-1945гг). Результаты их антигуманной деятельности, направленной на уничтожение

народов Европы и Советского Союза получили определение «коричневой чумы», вызывая тем самым психологическое неприятие этого символа. В заключение можно сказать, что цвет оказывает на человека давление через выражение собственной сущности. Собственное особенное отношение к цвету определяется субъективным содержанием душевной жизни, симпатиями и антипатиями. Но при этом надо иметь в виду, что цвет обладает индивидуальностью в той мере, в какой им обладают наши архетипы.

1. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство кесаря // Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Сов. Писатель, 1990. С. 253.
2. Серов Н.В. Цвет культуры: психология культурология физиология.-Спб.:Речь. 2004 – С. 13-20. С 557.
3. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики М.: Международные отношения, 1995. С. 392.
4. Там же с.405.
5. Серов Н.В. Цвет культуры: психология культурология физиология. С 93.

Д. А. Максимов

СОБЛАЗНЫ ДИСКУРСА ПРОТЕСТА

Максимов
Дмитрий Аркадьевич

аспирант Института философии и
права УрО РАН

Протестное поведение не имеет и не может иметь четкого теоретического и институционального основания. Дискурс протеста как таковой, если он не является инструментом во взаимодействии политических сил, свободен от идеологических границ. Протестное мышление – это явление социокультурного порядка, историческая и политическая роль которого – факторы второстепенные. Протест – это деривационная категория конфликтологии, имеющая свое отражение также в социальной психологии, социальной философии, этике и ряде других гуманитарных дисциплин.

В широком смысле протестный дискурс – это явление антропологического характера, поскольку он может незримо влиять на сознание человека, противопоставляя его внешним факторам политического, экономического, социального и культурного порядка; протест определяет превосходство «я» над окружающим миром; протест обуславливает в той или иной степени модель поведения человека.

В политологическом контексте протест можно рассматривать как универсальную категорию, которая проявляется во взаимодействии политических субъектов, служит формой политического участия и выражения общественного мнения. Феномен протеста является элементом такой политической картины, где ключевую роль приобретает именно отношение к политическим решениям и действиям. «В течение трех последних десятилетий в западной социологии и политологии резко возрос интерес к неинституционализированной политике, вызванный как широким распространением в стабильных демократиях так называемых новых общественных движений, так и возросшим вниманием к перспективам политического развития модернизирующихся стран. Формирование новой области знания - исследований общественных движений и связанного с ними феномена протеста - сопровождалось бурными теоретическими дебатами, нашедшими отражение в ряде парадигматических

сдвигов в объяснительных моделях»¹.

Действительно, в исследовании общественных движений и феномена протеста следует, прежде всего, сослаться на возможную смену парадигм образа мышления как минимум на двух уровнях – национальном и мировом. Без признания изменений в познавательных характеристиках сообщества на данном временном отрезке говорить о последовательной эволюции протестного дискурса как формы выражения общественного мнения не допустимо. Для того чтобы адекватно показать трансформацию мировосприятия современного человека, необходимо обозначить специфические черты и особенности новой картины глобального мира.

Однако философия протеста подразумевает наличие исходных положений и концептуальных оснований, существующих вне зависимости от времени и пространства. В данном случае протест есть не что иное, как продукт сознания и мыслительной деятельности человека. Народничество, антисистемный протест 1960-х, выступления антиглобалистов и другие примеры социально-политической активности можно проанализировать, исходя из общих оснований. Альбер Камю, размышляя над причинами исторического или метафизического протеста, говорил: «Бунт порождается осознанием увиденной бессмысленности, осознанием непонятного и несправедливого удела человеческого. Однако слепой мятежный порыв требует порядка среди хаоса... Цель бунта – преображение. ... Человек – единственное существо, которое отказывается быть тем, что оно есть»². В данной работе под общими основаниями протеста будет пониматься метафизическая природа бунта, который для удобства можно назвать отрицанием. Тем не менее, в отличие от классической интерпретации эгоистического нигилизма это отрицание несет позитивный целеполагающий характер. Инициатива несогласия подразумевает наличие противоречия, которое следует разрешить. В этом кроется и диалектическая природа «мятежного порыва», берущая свое начало в сознании. Сознание диктует пределы границы, в которых может сохраняться противоречие, так или иначе подавляющее и игнорирующее индивидуальность человека - все то, что он хочет сберечь в себе самом и окружающем мире. Иными словами, стремление к бунту – само существо протеста – это попытка и желание суждения. В конструктивном протесте кроется стремление к критическому отношению к миру. «... Порыв к бунту коренится одновременно и в решительном протесте против любого вмешательства, которое воспринимается как просто нестерпимое, и в смутной убежденности бунтаря в своей доброй